

Но наутро, когда мы с нею предавались отдыху здесь, на берегу ручья, вдруг подъехал ко мне странствующий рыцарь по имени сэра Хелиор Храбрый, могучий рыцарь, и вызвал меня на поединок биться за мою даму. Мы стали сражаться, сначала верхами, потом пеши, но под конец сэра Хелиор ранил меня так сильно, что я упал замертво, и он так меня и оставил и увез с собою мою возлюбленную. Вот почему мое горе больше вашего, ибо я наслаждался любовью моей дамы, вы же нет.

– Это правда, – отвечал сэра Паломид, – и раз уж со мною дела не поправишь, клянусь, что, если только смогу отыскать этого сэра Хелиора, я вам возвращу вашу возлюбленную или же потерплю от него поражение.

И с тем сэра Паломид помог сэру Эпиногрису снова сесть на коня, и они доехали до обители отшельника, где сэра Эпиногрис расположился на отдых. А сэра Паломид ушел потихоньку в лес отдохнуть под сенью листвы и вдруг видит: скачет рыцарь со щитом, какой он прежде видел у сэра Эктора Крайнего. А за ним едут еще десять рыцарей. И остановились они под деревьями отдохнуть от дневного жара.

Но вскоре подъехал туда еще один рыцарь – у него был щит с изображением белого льва по зеленому полю, а за собой он вел лошадь, на которой сидела дама. Тогда тот рыцарь со щитом, кто был предводителем над теми десятью рыцарями, ринулся во весь опор на сэра Хелиора – ибо это был он самый, ранивший сэра Эпиногриса. И, приблизившись к сэру Хелиору, он крикнул ему, чтобы он защищал свою даму.

– Я готов ее защищать, – отозвался сэра Хелиор, – сколько достанет у меня сил!

И они пустили коней и сшиблись так яростно, что оба рухнули наземь, и кони со всадниками. Но тут же вскочили, обнажили мечи, перетянули наперед щиты и рубились друг с другом отчаянно без передышки целый час. Сэра же Паломид все это видел и примечал.

Но вот наконец рыцарь со щитом сэра Эктора – а был он тяжелее и выше своего противника – поверг на землю сэра Хелиора. Он отстегнул на нем шлем и хотел уже было снести ему голову с плеч. Но тот воскликнул: «Пощади!» – и просил, чтобы он сохранил ему жизнь, а даму пусть увозит.

Тут вышел вперед сэра Паломид, ведь он уже понял, что эта дама – возлюбленная сэра Эпиногриса, а он дал обещание ему помочь. И вот сэра Паломид подошел прямо к даме, взял ее за руку и спросил, знаком ли ей рыцарь по имени сэра Эпиногрис.

– Увы, – она отвечала, – зачем только я узнала его, а он меня! Ибо по его вине я лишилась чести, а он жизни, и это печалит меня всего более.

– Нет, нет, прекрасная леди! – сказал сэра Паломид. – Следуйте за мною, и вы найдете сэра Эпиногриса вон в той обители.

– Ах, я буду счастлива, – отвечала она, – если он окажется жив!

Но тут подъехал победивший рыцарь и спросил:

– Куда это ты собрался ехать с этой дамой?

– Куда мне заблагорассудится, – отвечал сэра Паломид.

– Ну, знаешь, – сказал тот рыцарь, – что-то слишком ты расхвастался, верно, ты думаешь, что я тебе покорюсь, оттого что недавно сражался и устал? Напрасно ты понадеялся так легко увезти у меня даму. Но нет, и не думай! Будь ты даже рыцарь не хуже сэра Ланселота и сэра Тристрама или же сэра Паломиды, и тогда ты завоеешь ее более дорогой ценой, чем она досталась мне!

И они затеяли пеший бой и обрушили один на другого немало страшных ударов и жестоко друг друга изранили. Так рубились они целый час и еще больше, и сэра Паломид дался диву, кто таков этот рыцарь, что бьется так стойко, с такой силой и с таким ровным дыханием.

И наконец спросил сэра Паломид:

– Рыцарь, я требую, открой мне твое имя!

– Знай, – отвечал рыцарь, – что я не побоюсь открыть тебе мое имя, если только ты назовешь мне свое.

– Я согласен, – сказал сэра Паломид.

– Истинно, – сказал тот рыцарь, – я зовусь сэра Сафир, сын короля Асклабора, и сэра Паломид с сэром Сегваридом – мои братья.

– Я же, да будет тебе ведомо, – сэра Паломид! Тут сэра Сафир упал на колени и стал просить его о пощаде, и они отстегнули свои шлемы и, плача, поцеловались.